

Никонова Кристина Анатольевна, студент
Оренбургский государственный университет

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье исследуется структура и эффективность универсальных и региональных механизмов защиты прав человека. Актуальность работы обусловлена необходимостью критической оценки деятельности международных организаций в условиях новых вызовов, включая политизацию правозащитных институтов, цифровизацию и проблемы имплементации международных стандартов. Особое внимание уделяется сравнительному анализу трёх региональных систем – европейской, межамериканской и африканской – с акцентом на их институциональные особенности, степень обязательности принимаемых решений и практику контрольных органов. На основе доктринальных подходов и анализа практики договорных органов ООН, Европейского Суда по правам человека, а также доктрины «обязанности защищать» (R2P) рассматриваются ключевые проблемы: противоречие между государственным суверенитетом и наднациональным контролем, двойные стандарты в деятельности Совета по правам человека, а также формирование новых нормативных рамок в сфере цифровизации и биобезопасности. Сделан вывод, что, несмотря на высокую эффективность европейской модели, универсальный механизм ООН сохраняет фундаментальное значение для выработки единых стандартов, однако его дальнейшее развитие требует преодоления политической ангажированности и адаптации к современным технологическим реалиям.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, Европейский суд по правам человека, региональные системы защиты прав человека, договорные органы ООН, универсальный периодический обзор, государственный суверенитет, обязанность защищать (R2P), цифровизация прав человека, имплементация международных стандартов, сравнительное правоведение.

Говоря о роли ООН в защите прав человека, стоит отметить, что фундамент этой системы был заложен принятием в 1948 году Всеобщей декларации прав человека. Документ этот, как известно, носил рекомендательный характер, но именно он задал тот вектор, ту систему координат, в которой впоследствии развивалось все международное право в этой сфере. Интерес представляет тот факт, что Декларация стала своеобразным «моральным камертоном», настроившим мировое сообщество на единую волну понимания неотъемлемых прав личности. Вслед за ней были разработаны и приняты два ключевых договора: Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (оба 1966 года). В отличие от Декларации, эти документы являются обязательными для государств-участников. Как отмечает А.Б. Краснов, именно пакты создали ту нормативную сетку, которая позволила перевести декларативные положения в плоскость конкретных обязательств [1, с. 45]. Однако просто принять конвенцию мало – нужны механизмы, следящие за ее исполнением.

Наиболее значимым вкладом ООН в защиту прав человека стало создание системы договорных органов – комитетов, состоящих из независимых экспертов, которые следят за выполнением государствами своих обязательств по основным международным пактам и конвенциям. Например, Комитет по правам человека (действующий в рамках Пакта о гражданских и политических правах) рассматривает периодические доклады государств, дает общие комментарии и, что особенно важно, может принимать индивидуальные жалобы от граждан тех стран, которые ратифицировали Факультативный протокол. Следовательно, индивид, исчерпавший все внутренние средства правовой защиты, получает возможность выйти на наднациональный уровень. Правда, решения этих комитетов, как правило, носят рекомендательный характер, и здесь возникает проблема их имплементации. Государство

может согласиться с выводами комитета, а может и проигнорировать их, сославшись на суверенитет. Тем не менее, как показывает практика, само по себе рассмотрение жалобы международным органом оказывает на национальные власти определенное морально-политическое давление. Кроме того, в структуре ООН действует Совет по правам человека (заменивший Комиссию по правам человека), который занимается мониторинговой деятельностью в рамках Универсального периодического обзора – механизма, позволяющего оценивать ситуацию с правами во всех без исключения странах-членах ООН. Можно предположить, что именно универсальность охвата является здесь главным достижением, хотя критики справедливо указывают на политизированность многих решений Совета.

Безусловно, самой развитой и эффективной региональной системой защиты прав человека является европейская, функционирующая в рамках Совета Европы. Ключевым документом здесь выступает Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), а главным институтом – Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ). В отличие от комитетов ООН, ЕСПЧ выносит обязательные для исполнения решения. Его юрисдикция признана всеми 46 государствами-членами Совета Европы, и граждане этих стран имеют право прямого доступа в Суд после исчерпания национальных средств защиты. Как верно подмечено в аналитическом докладе Е.В. Смирницкой, решения Страсбургского суда не только восстанавливают права конкретного заявителя (как правило, присуждая справедливую компенсацию), но и оказывают системное воздействие на законодательство и правоприменительную практику государств-ответчиков [2, с. 67–68]. Интерес представляет тот факт, что Суд часто выступает в роли «будильника», заставляя национальные власти приводить свои законы в соответствие с конвенционными стандартами. Например, резонансные дела о нарушении прав заключенных или о несправедливых судебных процедурах нередко приводили к масштабным реформам в целых странах.

Менее известны широкой публике, но не менее важны региональные системы в Америке и Африке. Межамериканская система, построенная вокруг Американской конвенции о правах человека (1969 г.), включает два основных органа: Межамериканскую комиссию и Межамериканский суд по правам человека. Особенностью здесь является то, что Комиссия выполняет роль фильтра: индивид напрямую в Суд обратиться не может – сначала жалоба проходит через Комиссию. Кроме того, система сталкивается с проблемой нестабильности членства: некоторые крупные государства, например США, Конвенцию не ратифицировали. Тем не менее, в странах Латинской Америки, с их историей диктатур и политической нестабильности, роль Суда в защите от произвола властей трудно переоценить. Что касается Африканской системы, созданной на базе Африканской хартии прав человека и народов (1981 г.), то она долгое время считалась самой слабой, но в последние десятилетия набирает обороты. Африканский суд по правам человека и народов, начавший работу в 2006 году, постепенно расширяет свою практику. На наш взгляд, главная проблема всех региональных систем (кроме европейской) – это недостаточная политическая воля государств исполнять вынесенные решения и, как следствие, невысокий уровень доверия со стороны граждан. Сравнивая их, можно сказать, что европейская система – это своего рода «Мерседес» в мире правозащиты, тогда как остальные только проходят этап «обкатки».

Любая международная организация, занимающаяся защитой прав человека, неизбежно сталкивается с проблемой государственного суверенитета. Классическая дилемма звучит так: где заканчивается право нации на самоопределение и начинается ответственность международного сообщества за предотвращение гуманитарных катастроф? Концепция «гуманитарной интервенции» и сменившая ее доктрина «обязанности защищать» (R2P) вызывают ожесточенные споры. Критики, такие как политолог С.В. Лурье, указывают на то, что правозащитная риторика нередко используется западными странами для оказания давления на неудобные режимы, то есть служит инструментом внешней политики, а не беспристрастным механизмом защиты [3, с. 112–115]. И в этом, надо признать, есть доля истины. Решения Совета Безопасности ООН по гуманитарным вопросам часто блокируются из-за политических разногласий постоянных членов. Следовательно, принцип

универсальности прав человека вступает в противоречие с практикой двойных стандартов. Интерес представляет тот факт, что страны Глобального Юга все чаще обвиняют западные правозащитные НПО и структуры ООН в том, что они игнорируют нарушения, происходящие в странах-донорах, и гипертрофированно фокусируются на проблемах своих геополитических оппонентов.

Еще один вызов, с которым международные организации только начинают учиться работать, – это права человека в цифровую эпоху. Право на забвение, защита персональных данных, ограничение свободы слова в интернете, использование искусственного интеллекта в правосудии – все эти вопросы требуют новой нормативной базы. ООН, Совет Европы, ОБСЕ активно разрабатывают рекомендации и рамочные стандарты в этой сфере. Например, совсем недавно Комитет министров Совета Европы принял ряд рекомендаций по использованию алгоритмов в государственном управлении, подчеркивая необходимость сохранения человеческого контроля за машинами. Пандемия COVID-19 также обнажила массу проблем, связанных с ограничением прав во имя общественного здоровья. Массовая слежка, цифровые пропуска, принудительная вакцинация – все эти меры, введенные во многих странах, поставили вопрос о балансе между безопасностью и свободой. Здесь роль международных организаций видится в выработке общих принципов, которые не позволят чрезвычайным мерам стать постоянной практикой. По сути, они должны стать тем «сторожем», который не дает государству под шумок угрозы расширить свои полномочия сверх разумного

Список литературы:

1. Краснов А.Б. Юридическая природа актов ООН / А.Б. Краснов // *Международное право и интеграционные процессы*. – 2020. – № 3. – С. 42–51.
2. Смирницкая Е.В. Прецедентная практика ЕСПЧ: влияние на национальные правовые порядки: аналитический доклад / Е.В. Смирницкая. – М.: Институт права и публичной политики, 2021. – 124 с.
3. Лурье С.В. Права человека как инструмент геополитики / С.В. Лурье. – М.: *Политическая энциклопедия*, 2022. – 208 с

